

Горькій о самоубійствѣ.

М. Горькій отозвался на роковую болѣзнь нашего времени—эпидемію самоубійствъ. Его новый рассказъ на эту тему, подъ заглавіемъ „Случай изъ жизни Макара“, будетъ помещенъ въ 39-мъ сборникѣ „Знанія“, который выйдетъ въ свѣтъ въ концѣ мая.

„...Макаръ рѣшилъ застрѣлиться“,—такъ начинается свой рассказъ М. Горькій. Незадолго передъ этимъ онъ чувствовалъ жизнь изумересной, общающей открытъ множество любопытнаго и важнаго. Былъ Макаръ здоровъ, и, какъ всякій здоровый юноша, любилъ мечтать о хорошемъ; жило въ немъ яркое чувство единства и родства съ людьми... Онъ много работалъ и не мало читалъ... и все яснѣе видѣлъ онъ необходимость послужить всей душой великому дѣлу обновленія“ ...

Но постепенно Макаръ сталъ замѣчать, что вокругъ него образуется какая-то холодная пустота, что люди какъ будто устаютъ слушать его рѣчи. Макаръ былъ самоучка, его мысли дорого ему стоили и, когда его начинали оспаривать, самолюбіе его сильно страдало. Макаръ почувствовалъ, что онъ никому не нуженъ; это было ново и больно.

И Макаръ сталъ искать одиночества и въ то же время тяготился имъ.

Макаръ жилъ въ булочной, въ узкомъ пространствѣ между шкафомъ и глухой стѣной. Ему казалось, что онъ влюбленъ одновременно въ приказницу Настю и въ дочь хозяина Таню. Одинокій, съ разбитыми мечтами, Макаръ стремился къ дѣвушкамъ всей душой, ожидая отъ нихъ какого-то особеннаго, „женскаго“ слова. Но дѣвушки только подсмѣивались надъ девятнадцатилѣтнимъ Макаромъ. Читать Макаръ уже не могъ. Его усталая голова не воспринимала больше книжной мудрости.

— Никуда я не гоюсь. Никому не нуженъ“,—думалъ Макаръ и рѣшилъ застрѣлиться.

Макаръ сдѣлалъ все нужныя приготовления, купилъ револьверъ и сѣлъ писать последнее письмо о своей смерти. Сообразивъ, однако что писать рѣшительно некому, Макаръ написалъ только: „Если этотъ случай обезпочитъ васъ, — прошу извинить, М.“,—и всунулъ записку въ щель шкафа такъ, чтобы Настя могла найти ее.

Макаръ пошелъ къ тому обрыву, гдѣ задумалъ покончить съ собой. По дорогѣ, въ нищѣ одного дома, онъ замѣтилъ дрожавшаго отъ холода котенка, надъ которымъ наклонился старикъ-татаринъ. Макару стало жаль котенка, и онъ сказалъ татарину, чтобы тотъ спряталъ котенка за пазуху тулупа.

Макаръ выстрѣлилъ въ себя. Пуля пробилла грудь навывлетъ и зажгла на Макаръ рубаху. Живой факель замѣтилъ издали сторожъ-татаринъ, подбѣжалъ къ Макару, засыпалъ его снѣгомъ и потомъ, вмѣстѣ съ городовымъ, отвезъ Макара въ больницу.

— Пьяницы, черти!—ругался полицейскій.

— Мы ему сейчасъ только видѣла, она вовсе трезвый была...—отвѣчалъ татаринъ.

Макара положили на столъ и извлекли изъ груди пулю.

— Такой здоровый парень и такую глупость затѣялъ!—шутить врачъ.—Не стыдно, ну-те-съ?

— Не балагурьте, — проворчалъ Макаръ.

Онъ самъ уже давно догадался, что сдѣлалъ глупость: это злило и угнетало его. Ему было нестерпимо стыдно... Хотѣлось попросить, чтобы съ нимъ не говорили, или говорили какъ-нибудь иначе, но слова разбѣгались...

Макаръ сталъ поправляться и увидѣлъ себя среди людей, чуждыхъ и непонятныхъ ему. Тутъ были безносые, грубо трунившіе надъ неудавшимся самоубійствомъ Макара, тутъ былъ учитель съ раковой опухолью на щекѣ, пристававшій къ Макару все съ однимъ и тѣмъ же вопросомъ, отчего онъ застрѣлился. Потомъ этотъ учитель пространно доказывалъ Макару, что „нужно умѣть хотѣть только того, что доступно и по силамъ, и нужно умѣть сдерживать себя отъ бесполезной траты силъ, коихъ намъ надо немного“...

Учитель былъ отвратителенъ Макару, и онъ думалъ:

— Вотъ какіе живутъ... О смерти Макаръ не думалъ. Онъ былъ увѣренъ, что какъ только представится случай, онъ убьетъ себя. Но откуда-то изъ глубины наболѣвшаго сердца, тихонько поднималось желаніе, чтобы пришелъ человекъ, дружески пожалъ руку и сказалъ-бы, улыбаясь, что-нибудь простое, человѣчье, нѣсколько словъ.

Это было маленькое, робкое желаніе, робкое, какъ подснежникъ—первый цвѣтокъ весны.

„И человекъ пришелъ...“

Макара навѣстила Настя. Она долго болтала о томъ, гдѣ бывала, какъ хохотала...

„Макаръ точно окостенѣлъ; онъ чувствовалъ себя обиженнымъ этимъ визитомъ и думалъ о томъ, какъ это ясно, что жизнь оскорбительна и жить не стоитъ“.

Но вотъ къ Макару пришелъ неожиданный гость—сторожъ-татаринъ.

Онъ рассказалъ Макару, какъ везъ его въ больницу, что Макаръ говорилъ въ это время, и на прощанье сталъ звать Макара къ себѣ въ гости.

— Такай изба старый, крышь—бокомъ, на дворъ войдешь—помайнымъ ямомъ, а за нимъ—дверь, ну—тамъ я и есть. Придешь?

— Приду,—сказалъ Макаръ,—обязательно приду, братъ!

— Ватъ—абязательнымъ! Чай пить будемъ...

— Зачѣмъ онъ приходилъ?—думалъ Макаръ, когда татаринъ ушелъ.—Зачѣмъ?

Искать отвѣта на этотъ вопросъ было пріятно...

Потомъ пришли товарищи Макара по некарнѣ. Всѣ трое принесли Макару гостинцы. „Макаръ видѣлъ, что двое отчаянно притворяются веселыми и развязными, а третій, напрягаясь до пота, хочеть казаться спокойнымъ—и всѣмъ не удается игра: три пары глазъ жалобно мигаютъ, мечутся, бѣгая изъ стороны въ сторону, стараясь не встрѣчаться другъ съ другомъ и не видѣть Макаровы глаза.“

— Ну, спасибо!—бормоталъ онъ, задыхаясь... Дрожащими руками Макаръ хваталъ ихъ жесткія руки, смѣясь, всхлиывая... И вдругъ за сердце его схватилъ тихій шопотъ:

— Э-хъ, ты. Какъ же это ты, а?

— Уда-арилъ ты на-асъ...

Третій голосъ добавилъ также тихо, но внушительно:

— А еще говорилъ—братцы, говорилъ— правда, говорилъ...

— Развѣ этакъ можно?

— Братцы, говорилъ, а самъ?

Смѣясь, плача, задыхаясь отъ радости, ти-

скал двѣ разныя руки и, ничего не видя и всѣмъ существомъ чувствуя, что онъ выздоровѣлъ на долгую, упорную жизнь, Макаръ молчалъ.

А сердитый парень, дѣловито покрывая голую грудь Макара одѣяломъ, ворчалъ:

— Да, братъ, говорилъ все—правду, а самъ?... Однако-же, не простудить-бы тебя: мы—народъ съ воли, холодный...

...За окнами густо надалѣ снѣгъ, хороша прошлое... („Мос. Газ.“)